

Внутренняя и внешняя мотивация

Совершенно очевидно, что поведение описывается как мотивированное либо «изнутри» (интринсивно), либо «извне» (экстринсивно). Это противопоставление почти столь же старо, как и сама экспериментальная психология мотивации. Оно становится актуальным во всех тех случаях, когда исследователи, с определенным успехом сосредоточив свои усилия на изучении таких видов поведения, которые служат удовлетворению физиологических потребностей или избеганию негативных физиологических состояний, стараются объяснить все поведение, его изменения (научение) и лежащую в его основе мотивацию внешними последствиями поведения, играющими роль подкреплений, — вознаграждением, отсутствием вознаграждения и наказанием. Подобное чисто инструментальное понимание, в конечном счете сводящее поведение лишь к обслуживанию организма, вынужденного восстанавливать нарушенный гомеостаз, всегда вызывало возражения, особенно когда данные, полученные при работе с животными, целиком переносились на человека.

По всей видимости, первое из этих возражений принадлежит Вудворту (Woodworth, 1918), разработавшему теорию первичности поведения (*behavior-primacy*) с характерным для нее постулированием врожденных механизмов развития сенсорных, моторных и когнитивных способностей. Такого рода механизмы приводятся в действие влечениями типа любопытства или самоутверждения по мере их развития; их активность уже сама по себе приносит субъекту удовлетворение. Развившаяся и мотивированная таким образом активность может служить удовлетворению физиологических влечений, но, только «побуждаемая собственным влечением, она может протекать свободно и эффективно» (*ibid.*, p. 70). Достаточно близок к этому представлению и олпортовский принцип функциональной автономии (Allport, 1937), согласно которому первоначально инструментальные действия могут приобретать самостоятельную (интринсивную) привлекательность.

Вторая атака, почти бунт, направленная против экстринсивного понимания поведения последовала в 1950-е гг., когда благодаря работам Халла и Скиннера объяснение поведения исключительно внешними подкреплениями достигло своего апогея. У крыс и у обезьян открывались все новые типы поведения, которые не приводили к редукции влечений, но явно подкрепляли сами себя, поскольку в процессе их осуществления или ради достижения возможности их осуществить подопытное животное вполне успешно научалось достаточно сложным навыкам (см. главу 4). В этой связи Харлоу (Harlow, 1950, 1953) постулировал, например, существование «манипулятивного влечения», Монтгомери (Montgomery, 1954; Welker, 1956) — «исследовательского влечения», а Батлер (Butler, 1953,) — влечения к «зрительному обследованию». Никто, пожалуй, не связывал с этим прорывом в психологии мотивации к внутренне регулируемому поведению столько надежд, как Зигмунд Кох, великий методологический скептик психологии. В 1956 г. он писал:

«По-видимому, наиболее привлекательной особенностью этих исследований является все возрастающий интерес к феноменам, явно принадлежащим к категории "и себе и для себя" или к внутренне поддерживаемому многообразию, к феноменам, для объяснения которых не хватает ресурсов экстринсивной грамматики и которые Моиг быть отнесены к человеку, даже когда изучаются на животных. Конечно, я имею в виду работы по "исследовательским", "манипулятивным" влечениям и, "познавательной потребности"... Если бы меньше времени тратилось на постулирование новых влечений и больше, скажем, на сужение круга признаков, которые заставляют обезьян "решать" одни манипулятивные задачи и не "решать" другие, то это действительно привело бы нас к фактам, требующим "интринсивной грамматики". Если бы больше усилий тратилось не на выяснение того, может ли рост стимуляции "подкреплять", а того, каковы конкретные свойства того повышения "стимуляции", которое действительно подкрепляет, то психология могла бы оказаться на пороге нового этапа своего развития» (Koch, 1956, p. 81, 82).

Различные концепции внутренней и внешней мотивации

До сих пор не существует единства взглядов по вопросу о том, чем различается внутренне и внешне мотивированное поведение, что подтвердили, например, материалы опроса, проведенного среди специалистов по психологии труда (см.: Dyer, Parker, 1975). Можно выделить, по меньшей мере, шесть различных концепций, выдвигающих на первый план разные аспекты различий или в поведенческих проявлениях, или в отношении

основополагающих процессов. Общим для всех них является лишь понимание внутренне мотивированного поведения как совершающегося ради себя самого или ради тесно связанных с ним целевых состояний, а не просто как средства достижения инородной по отношению к такому поведению цели.

Влечения без редукции влечения

В первой концепции утверждается, что внутренне мотивированное поведение не направлено на удовлетворение физиологических потребностей типа голода, жажды и избегания боли. Наряду с этим постулируются вышеупомянутые дополнительные влечения (исследовательские, манипулятивные и т. п.), которые не подчиняются принципу восстановления организмом нарушенного гомеостаза. Подобные влечения не связаны с редукцией влечения, а значит, им можно инструментально выучиться и без такой редукции, что делает возможным наблюдение их проявлений во внешнем поведении.

Свобода от цели

Вторая концепция, родственная первой, рассматривает как внутренне мотивированную всякую представляющуюся бесцельной активность, не постулируя присущих только этой активности влечений или мотивов. Обширные области деятельности, особенно у подрастающего живого существа, например игра, создают впечатление «самоцельности» (аутотеличности — Klinger, 1971). По мнению Уайта (White, 1959), формы активности, направленные на получение индивидом наибольших эффектов при взаимодействии с окружением, принадлежат основному потоку поведения, лишь по необходимости прерываемому действиями, служащими редукции влечения. Основополагающей для такого рода активности он считает «мотивацию действенностью» (*effectance motivation*). При этом мотивирующим является ощущение эффективности (*feeling of efficacy*), а результатом активности — расширение разного рода компетентности. Из общей мотивации действенностью позднее выделяются более конкретные мотивы, такие как мотив достижения или самоутверждения. Такому пониманию соответствует и классификация Мак-Рейнолдса (McReynolds, 1971), в которой в качестве критерия для различения используется инструментальность поведения. Согласно этой классификации, внутренне мотивированными являются лишь такие формы поведения, которые осуществляются только ради протекания самой деятельности. Внешне же мотивированным оказывается все, что направлено на достижение какого-либо конечного состояния или цели. Тем самым почти все виды действий, рассматриваемые в данной книге, связанные с достижениями, властью, аффилиацией, оказанием помощи, агрессией или с какими-то целями, должны считаться внешне мотивированными. Внутренне мотивированными, несущими удовлетворение сами по себе остаются лишь «развлекательные» виды деятельности, например игра и эстетическое переживание.

Оптимальный уровень активации или рассогласования

Согласно **третьей** концепции, то или иное поведение считается внутренне мотивированным при наличии регуляции, направленной на поддержание или восстановление некоторого оптимального уровня функционирования. Разрабатываемые в этом русле отдельные теоретические подходы отличаются друг от друга своей связью с исследовательскими традициями. Так, работа Хебба (Hebb, 1955) и более поздняя работа Фиске и Мадди (Fiske, Maddi, 1961), выполненные в русле теории активации центральных нервных процессов, выдвигают положения об «оптимальном возбуждении (*optimal arousal*)». В работах Ханта (Hunt, 1965, 1971), выполненных в духе теории когнитивного развития Пиаже, анализируются психологические процессы и постулируются положения об «оптимальной рассогласованности» между текущим потоком информации и каким-либо стандартом (схемой, ожиданием, уровнем адаптации). И наконец, работы Берлайна (Berlyne, 1960, 1967, 1971) с их объяснительным понятием «потенциал возбуждения» объединяют в себе оба подхода и обращают внимание как на физиологические, так и на психологические процессы.

Позиции Хебба и Берлайна рассматривались в главе 4 (см. рис. 4.21). Если Хебб определяет

оптимальное состояние, к достижению которого приводит поведение, на нейрофизиологическом уровне, через понятие среднего уровня активации, то Берлайн делает это на психологическом уровне через понятие «средний потенциал возбуждения», т. е. через средний уровень рассогласованности потока входящей информации, что соответствует не среднему уровню активации (как у Хебба), а низкому. Когда оптимальная величина рассогласования превзойдена, то, с точки зрения Берлайна, степень рассогласования, а тем самым и повышенный уровень активации регулируются в сторону понижения посредством специфического обследования; если же она не достигается, то для повышения рассогласованности включается варьирующее обследование.

Оптимальное рассогласование как принцип внутренней мотивации фигурирует не только в подходах Берлайна и Ханта, но и в близких им концепциях, авторы которых вместо рассогласования говорят о сложности в смысле отклонения потока стимуляции от ожидаемого; в этой связи следует упомянуть работы Дембера, Ирла (Dember, Earl, 1957) и Уокера (Walker, 1973). Сходные положения можно найти даже в первоначальном варианте теории мотивации Мак-Клелланда и его коллег (McClelland et al., 1953), согласно которой малые отклонения «восстановленных» ключевых стимулов от некоторого релевантного им уровня адаптации (Helson, 1964) приводят к положительным эмоциям и, следовательно, к поисковому поведению, а сильные отклонения — к отрицательным эмоциям и тем самым к поведению избегания (см. главу 2, а также результирующую «мотыльковую кривую» мотивирующего аффективного тона, рис. 4.22).

Помимо Берлайна, существенный вклад в разработку теории внутренней мотивации внес Хант (Hunt, 1965), привлечший большое количество данных, прежде всего из психологической теории Пиаже. Хант рассматривает человека как систему переработки информации, для наиболее продуктивного функционирования которой требуется наличие некоторого оптимального уровня рассогласования. Внутренняя мотивация возбуждается в том случае, когда рассогласование между воспринимаемой информацией и некоторым внутренним стандартом (в виде уровня адаптации или ожидания) оказывается не слишком большим и не слишком малым. Актуализованная посредством такого рассогласования внутренняя мотивация должна инициировать поведение, снижающее это рассогласование, и поддерживать активность до тех пор, пока рассогласование не будет ликвидировано. Как отмечал Деси (Deci, 1975, p. 540 и далее), концепция Ханта недостаточно последовательна и закончена. Поскольку Хант постулировал потребность в рассогласовании, должна существовать не только мотивация к снижению обнаруженного рассогласования, но и мотивация к поиску или восстановлению оптимальной величины такого рассогласования (которое затем снова будет преодолеваться в ходе компенсаторной активности).

Самоутверждение

Четвертая концепция представлена в работах де Чармса (DeCharms, 1968). Подобно Уайту (White, 1959), он усматривает первичную мотивацию в том, чтобы чувствовать свою эффективность, ощущать себя источником изменений в окружающем мире (см. главу 13). Это стремление быть причиной собственных действий представляет собой не какой-либо особый мотив, а некоторый руководящий принцип, который распространяется на различные мотивы. Требования окружения, обещанные вознаграждения и возможные наказания, внешнее давление — все это может снижать переживаемое самоутверждение, вплоть до появления ощущения полной зависимости (ощущения себя «пешкой»).

Человек стремится противостоять этому, и чем лучше ему это удастся в данном конкретном случае, тем сильнее он ощущает себя хозяином положения, тем больше он получает радости от своей деятельности и тем значительнее его интринсивная мотивация; но чем хуже ему это удастся, тем сильнее он ощущает себя во власти внешних обстоятельств, тем больше он воспринимает свою деятельность (пусть даже успешную с внешней стороны) как обесцененную и мотивированную лишь внешне. Отсюда де Чармс делает два кажущихся парадоксальными вывода о воздействии внешних подкреплений. Как мы увидим ниже, эти выводы решающим образом повлияли на дальнейшие исследования и в общих чертах подтвердились. Первый вывод гласит: если человек вознаграждается за нечто, что он делает или сделал по собственному желанию, то такое вознаграждение будет способствовать ослаблению внутренней мотивации. Согласно второму выводу, если человек не вознаграждается за неинтересную, предпринятую им только ради вознаграждения деятельность, то внутренняя мотивация к ней может усилиться.

Второй из этих выводов практически не исследовался экспериментально, если не считать отдельных опытов в рамках вытекающей из теории диссонанса парадигмы недостаточного оправдания. Возможность редукции диссонанса состоит в этом случае в том, чтобы начать более высоко оценивать

данную деятельность саму по себе, т. е. перейти к более внутренней мотивации. Подтверждение этого мы находим в результатах выполненного в рамках теории диссонанса исследования Уэйка (Weick, 1964). Студентам, участвовавшим в эксперименте, чтобы получить нужную им для продолжения занятий справку об участии в опытах, недружелюбным тоном сообщалось, что они этой справки не получают. Таким образом, их внешняя мотивация участия в эксперименте оказывалась недостаточной. После выполнения экспериментальной деятельности (задания на формирование понятий) по десяти показателям (таким, как степень прилагаемых усилий, уровень достижений, постановка целей, интерес к заданию) у этих испытуемых была зафиксирована более высокая внутренняя мотивация, чем у испытуемых контрольной группы, которые получили нужную им справку и с которыми экспериментатор общался вполне дружелюбно.

Первый из выводов де Чармса в отличие от второго вызвал необычайно большое количество экспериментов. Инициаторами экспериментальных исследований в этой области были прежде всего Липпер (Lepper, Greene, Nisbett, 1973; Greene, Lepper, 1977) и Деси (Deci, 1971, 1975; Deci, Ryan, 1980, 1987), развивавшие концепцию де Чармса в теоретико-атрибутивном духе. Липпер исходил из бемовской теории самовосприятия (Bern, 1972; см. также главу 13). Если за некоторую деятельность, которую человек и так охотно осуществляет, он получает дополнительное вознаграждение, то свое действие он воспринимает как «сверхобоснованное» и начинает сомневаться: совершил бы он его только по доброй воле?

Для характеристики внутренней мотивации действия Деси в своей «теории когнитивной оценки» использовал два вида переживаний, которые Уайт (White, 1959) и де Чармс (deCharms, 1968) поставили в центр своих теорий мотивации: ощущение своих возможностей (Уайт) и самоутверждение (у де Чармса — субъектная каузальность). Чем выраженнее эти два переживания в сознании действующего субъекта, тем сильнее он внутренне мотивирован. Таким образом, решающей оказывается внутренняя локализация (в смысле теории атрибуции) тех причинных факторов, которые субъект считает ответственными за результат, к которому он стремится или которого он достиг. Внешней же мотивация является или становится тогда, когда достигнутый результат субъект приписывает внешним причинам (а не своим возможностям) и (или) когда он предпринимает действие не столько по своему собственному желанию, сколько в силу ожидаемых внешних последствий, например вознаграждения и наказания. Такое понимание внутренней мотивации весьма близко концепции мотива как системы самооценивания. В частности, деятельность достижения в этом случае оказывается тем сильнее мотивированной внутренне, чем значительнее ее ориентированность на успех, т. е. чем больше она определяется внутренней локализацией причин результата действия, связанной с проверкой своих возможностей и не нуждающейся ии в каких внешних подкреплениях.

В последнее время Деси уточнил свою теорию, введя противопоставление автономии (самодетерминации) и подконтрольности (Deci, Ryan, 1987). Согласно этому уточнению, существуют ситуативно-социальные, но также и присущие самой личности условия, которые при образовании намерения действия и последующей регуляции намеченного действия предполагают восприятие либо автономии (например, самостоятельный выбор), либо подконтрольности (например, давление в направлении определенного результата действия) и способствуют такому восприятию. Это различие не совпадает в полной мере с противопоставлением внутренней и внешней мотивации. Ведь внешне мотивированная деятельность (т. е. деятельность, осуществляемая ради независимой от нее цели) может регулироваться как подконтрольно, так и автономно. В целом же автономность в большей степени, чем подконтрольность, связана с внутренней мотивацией, интересом, отсутствием давления и напряжения, креативностью, когнитивной гибкостью, лучшим освоением понятий, позитивными эмоциями, высоким самоуважением, доверием, устойчивым успехом терапии, лучшим физическим и психическим здоровьем (см. обзор: Deci, Ryan, 1987).

Радостная поглощенность действием

В **пятой** концепции еще больше возрастает значимость такого критерия, как сопровождающее действие переживание, причем переживание, связанное не с Я (как субъектная каузальность), а с действием. Внутренняя мотивация означает в этом случае, как отметил в своем исследовании продуктивного мышления еще Вертхаймер (Wertheimer, 1945), что человек с радостью отдается данному делу, что он полностью погружен в переживание продвигающегося вперед действия.

Чиксентмихали (Csikszentmihalyi, 1975) в своей работе под названием «По ту сторону скуки и тревоги» предложил в качестве характеристики внутренней мотивации определенное эмоциональное состояние — радость от активности (*enjoyment*). При этом он основывался не на теоретических объяснительных подходах с их искусственными конструктами, адекватность которых требует

экспериментальной проверки, а на описательно-феноменологическом анализе, к которому приверженцы современной психологии мотивации относятся несколько пренебрежительно. «Вместо отношения к радости как к чему-то, требующему объяснения в терминах каких-либо иных категориальных понятий... мы попытались взглянуть на нее как на самостоятельную реальность, которая может быть понята сама по себе» (ibid., p. 10). Чиксентмихали попросил шахматистов, хирургов, танцоров и альпинистов описать свою профессиональную и осуществляемую на досуге деятельность и зафиксировать то радостное ощущение, которое они испытывают при этом. Выявившееся при опросе центральное описательное понятие он обозначил как «поток*» (*flow*). «Поток» представляет собой радостное чувство активности, когда индивид как бы полностью растворяется в предмете, с которым имеет дело, когда его внимание всецело сосредоточено на занятии, что заставляет забывать о собственном Я; поток есть «целостное ощущение, испытываемое людьми, когда они полностью отдаются своей деятельности» (ibid., p. 36).

В ходе описательно-феноменологического анализа переживания «потока» неожиданно появились основные понятия хайдеровского «наивного анализа поведения», относящегося к «могу» (Heider, 1958): соотношение возможностей субъекта и сложности задания. Если возможности резко превышают сложность задания, то возникает скука, в противном случае появляется тревожность. Если же сложность задания превышает возможности субъекта лишь незначительно, то можно говорить о существовании условия для переживания «потока». Это условие соответствует предпочитаемому уровню притязаний ориентированных на успех людей, оно максимизирует внутреннюю локализацию причин достигнутого результата действия. Если следовать логике Чиксентмихали, оно также приводит к размыванию различий между игрой и работой. Переживание «потока» не есть какое-либо исключительное событие, оно появляется также в форме «микротока», в различных мелких и незначительных повседневных эпизодах, таких как мечтания (или фантазии), напевание, посвистывание и т. п. Чиксентмихали просил испытуемых в течение дня подавлять такого рода эпизодические активности и обнаружил, что депривация «потока» делала людей усталыми и утомленными, усиливала головные боли и раздражительность, мешала расслаблению и сосредоточению. Повседневная рутинная деятельность становилась человеку в тягость, а спонтанная творческая активность уменьшалась.

Однородность тематики (эндогенность) действия и его цели

Последняя, шестая концепция ставит вопрос о том, отражена ли в переживании субъекта, и если да, то в какой мере, содержательная и неотъемлемая взаимосвязь между действием и его целью, или основанием (Neckhausen, 1976). Таким образом, здесь ставится вопрос о самоатрибуции мотивации. Действие является внутренне мотивированным в том случае, когда средство (действие) и цель (цель действия) тематически связаны друг с другом; иными словами, когда цель тематически однородна с действием, так что последнее осуществляется ради своего собственного содержания. В частности, действие достижения будет внутренне мотивированным, если оно предпринимается только ради результата, которого предстоит добиться, поскольку тем самым будет решена задача или осуществится оценка собственных

возможностей. Тем самым результат действия — определенное достижение — не становится, в свою очередь, средством осуществления недостиженческой по своему содержанию цели (например, помощь другому человеку, стремление понравиться ему, получение определенной суммы денег, нужных для еще какой-нибудь цели), добиться (или добиться с меньшими затратами) которой иным способом субъект в данный момент не в состоянии. Если результат действия достижения является средством, то действие сохраняет внутренне мотивированный характер лишь в том случае, когда результат оказывается средством в смысле необходимого промежуточного звена на пути к достиженческой по содержанию цели более высокого порядка (Neckhausen, 1977a, b).

И наоборот, действие будет внешне мотивированным, если средство (действие) и цель (цель действия) тематически не совпадают друг с другом, т. е. если цель и действие тематически разнородны, так что действие и его результат, оказываются лишь средством на пути к некоторой содержательно отличной от них цели. Эта функция средства является чисто внешней, задается произвольно и, по существу, условна. Например, агрессия будет внешне мотивированной, если человек нападет на кого-то не для того, чтобы отомстить (это было бы внутренней мотивацией), а для того, чтобы завладеть деньгами, которые этот другой держит при себе. Исследователи агрессии говорят в этом случае об «инструментальной» агрессии,

которую не следует смешивать с собственно (т. е., в наших терминах, с внутренне мотивированной) агрессией (см. главу 10).

То же различие проводит Круглянский (Kruglanski, 1975), противопоставляя друг другу эндогенные (внутренне мотивированные) и экзогенные (внешне мотивированные) действия. К этому различию он пришел на основе столь же остроумной, сколь и справедливой критики основывающихся на теории атрибуции попыток разделить действия на имеющие внутренние и внешние причины (см.: Kelley, 1967, и табл. 13.2), когда на основе различных типов информации причины локализируются либо в предметных «обстоятельствах» действия, либо в «субъекте». Однако на деле действия и лежащие в их основе намерения всегда обусловлены только внутренне. Это относится и к тем случаям, когда в соответствии с обоими различаемыми здесь параметрами ковариации — специфичностью и согласованностью — делается вывод о внешней локализации причин (свойства объекта или обстоятельства), т. е. когда наличествует высокая специфичность в отношении предмета действия либо ситуационных обстоятельств (например, назначенное за выполнение действия вознаграждение) или когда в данной ситуации большинство людей поступает таким образом (высокая согласованность).

Круглянский различает действия и события (*occurences*), подразумевая под последними фактические результаты действий. Теоретико-атрибутивное различение внутренних и внешних каузальных факторов уместно лишь в отношении результатов действия (событий) (см.: Zuckerman, 1978). Действия и лежащие в их основе интенции могут, разумеется, осуществляться в расчете на внешние факторы, однако последние не являются их «побудителями». В отличие от них результат действия не полностью зависит от субъекта, так как его наступление всегда обусловлено отчасти внутренними (зависящими от субъекта) и отчасти внешними (зависящими от окружения) факторами. Действиям же может быть приписана только

эндогенность или экзогенность. Действие эндогенно (или внутренне мотивировано), если цель заключается в самом его осуществлении и результате. Действие экзогенно (или внешне мотивировано), если его осуществление и результат являются средством достижения некоторой другой цели, которая не имманентна действию, а соединена с результатом действия произвольно возникшим отношением инструментальности. Впрочем, уместнее было бы, как замечает Бассе (Buss, 1978), говорить не об эндогенных и экзогенных действиях, а об эндогенных и экзогенных основаниях действия.

До сих пор мы ограничивались рассмотрением простейшего случая: существует лишь одна цель, которая тематически либо однородна (эндогенна), либо разнородна (экзогенна) действию, причем всегда можно однозначно определить, имеем ли мы дело с первым или со вторым вариантом. Однако в реальности, как правило, сосуществует не одна цель, а несколько, и квалификация их как эндо- или экзогенных, особенно при оценке действия другого человека, не всегда оказывается однозначной. Кроме того, при понимании внутренней мотивации с точки зрения шестой концепции одна и та же цель может мотивироваться как внутренне, так и внешне, т. е. при атрибуции собственной мотивации цель может переживаться как отчасти эндогенная, а отчасти экзогенная. Что касается количества различных или предполагаемых целей действия, то здесь срабатывает келлиевский принцип обесценивания (Kelley, 1971; см. также главу 13). Чем в большей степени учитывается существование наряду с некоторой эндогенной целью других, экзогенных, целей, тем сильнее атрибуция внутренне мотивированного действия обесценивается за счет внешне мотивированного (Kruglanski, Riter, Arazi, Agassi, Montequio, Peri, Peretz, 1975). Вместе с тем подтвердить уверенность в наличии в том или ином случае эндогенной цели и получить сведения о том, каковы экзогенные (дополнительные по отношению к эндогенной или замещающие ее) цели, можно с помощью предложенного Келли различения ковариационной информации по параметрам стабильности, специфичности и согласованности.

Оценка различных концепций

С психологической точки зрения наиболее ясной из новых концепций внутренней мотивации представляется концепция эндогенности (однородности) действия. Она полностью совпадает с радостной поглощенностью деятельностью у Чиксент-михали (Csikszentmihalyi, 1975), пусть даже связанное с этим понятием переживание «потока» может оказаться лишь частным случаем. Деятельность самоутверждения в понимании де Чармса (deCharms, 1968) не всегда может служить признаком внутренней мотивации, поскольку и экзогенные действия, например оказание помощи человеку с тем, чтобы поставить его в зависимость от себя, бывают целиком связаны с ощущением субъектной обусловленности. Предлагаемое Деси (Deci, 1975; Deci, Ryan, 1980, 1985) соединение самодетерминации с переживанием компетентности избегает этой опасности, поскольку эндогенность обеспечивается компетентностью, связанной с действием. Однако за это пришлось заплатить дорогой ценой: переживание компетентности оказалось тематически связанным исключительно с деятельностью достижения, а все прочие эндогенные действия остались

за рамками этой концепции. В более новой версии концепции связь самодетерминации и переживания компетентности исчезает (Deci, Ryan, 1987). Вместо этого решающим для внутренней мотивации и ее многообразных коррелятов становится переживание автономии при формировании намерения и регуляции действия. Противоположностью автономии является переживание подконтрольности при формировании намерения и регуляции действия, чувство ограниченной свободы действия, которое вовсе не обязательно должно сопутствовать внешней мотивации.

В противоположность трактовке самодетерминации как «внутренней» локализации причин Круглянский и его коллеги (Kruglanski, Riter, Amitai, Margolin, Shabtai, Zaksh, 1975) утверждают, что даже денежное вознаграждение, которое в силу внешней локализации этой причины заведомо должно делать мотивацию внешней, вполне может усиливать внутреннюю мотивацию деятельности, если оно связано с природой самого задания; таким образом, деятельность оказывается денежно-эндогенной, как в случае азартной игры (например, орлянки). Примером денежно-экзогенной деятельности может служить игра в конструирование, осуществляемая совместно с экспериментатором. В указанном выше и в еще одном исследовании (в котором одна и та же игровая деятельность в одном случае денежно-эндогенно связывалась с фондовой биржей, а в другом денежно-экзогенно — с руководством спортивной командой) выводы о внутренней мотивации делались на основе самоотчетов об интересе к игре, предпочтении ее по сравнению с возможными альтернативными видами активности и чувстварадости от выполняемой деятельности. Результаты оказались вполне однозначными: введение денежного вознаграждения повышало внутреннюю мотивацию в случае денежно-эндогенной деятельности и снижало ее, если деятельность была денежно-экзогенной. Таким образом, не денежное вознаграждение само по себе («внешняя» локализация причин) ослабляет внутреннюю мотивацию, а лишь его применение в ситуации деятельности, внутренне не связанной с деньгами. Если же деятельность, напротив, по своей природе связана с деньгами, то вознаграждение увеличивает ее внутреннюю мотивацию, т. е. интерес к ней, радость от ее осуществления и ее продолжительность.

Что касается трех более ранних концепций, то первая из них (влечение без редукции влечения) представляет интерес с исторической точки зрения, поскольку все охватываемые ею феномены попадают в класс эндогенных, т. е. внутренне мотивированных, форм поведения. Концепция свободы от цели, несомненно, чересчур ограничена, ибо внутренне мотивированными оказываются в этом случае лишь виды активности наподобие игры, содержащие цель в самих себе. Наконец, концепции оптимального уровня активации и рассогласования представляют собой процессуальные модели регуляции действия, подходящие как для видов активности, содержащих цель в самих себе, так и для обычных видов целенаправленной активности, которые не оставляют сомнений в их эндогенности. Однако виды активности, регулируемые в соответствии с принципом оптимального уровня, несомненно, являются лишь частным случаем всех внутренне мотивированных деятельностей, если решающим критерием для выделения последних считать эндогенность действий.